

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Ив Престон

#ПОКОЛЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

ПОТЕРЯННЫЕ ПОКОЛЕНИЯ
КНИГА II

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П73

П73

Престон, Ив.

Поколение справедливости : роман / Ив Престон. — Москва :
Издательство АСТ, 2018. — 464 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-098034-5

«Не пытайтесь что-либо утаить от профайлера — это будет расценено как сопротивление Справедливости» — так говорят на каждом тесте, экзамене, собеседовании... И допросе.

Мой друг как-то сказал, что страх предстать перед лицом Справедливости навсегда изменил для Свободного Арголуса значение слова «секрет». Но человек не может жить без секретов. Каждый молчит о чем-то своем. Чьи-то секреты опасны, чьи-то совершенно безобидны. Каждому есть что прятать, и я не исключение.

Но когда завеса тайны исчезает, приходится иметь дело с последствиями. И никогда заранее не знаешь, насколько разрушительными они могут быть.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098034-5

© Ив Престон, 2017
© М. Козинаки, фотография на обложке, 2017
© А. Шульгина, модель на обложке, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СТАТУС:
ПАЦИЕНТ ДОКТОРА КОНСТАНТИНА

ГЛАВА 1

Глаза слезятся из-за едкого дыма, застилающего переулок.

Пуля, просвистевшая мимо уха, окончательно убеждает в том, что стрельба ведется на поражение. Продолжая бежать, я оборачиваюсь, несколько раз стреляя наугад, даже не пытаюсь прицелиться: дымовая завеса надежно скрывает преследователей. Но я все равно прислушиваюсь, в надежде на вскрик раненого — но слышу лишь, как одна из выпущенных пуль задевает кирпичную кладку.

Хриплый голос Альмы в правом наушнике звучит неожиданно громко. «Дальше без меня. Я... Я ранена, — говорит она, задыхаясь, — не могу идти». Эти слова заставляют меня выругаться сквозь сжатые зубы. Пат и Паула остались без прикрытия, и, кажется, мне тоже долго не продержаться...

Петляя под выстрелами, удается добежать до угла дома. Сильный рывок — кто-то дергает меня в сторону, швыряя к кирпичной стене. Какого черта?!

— Спокойно. — Передо мной стоит Риц; он тяжело дышит. — Там, дальше, линия огня снайпера. Не пройдем. Сколько шло за тобой?

— Четверо... может, больше. Ни черта не видно, — говорю я, тоже пытаюсь отдышаться. — В перелуке задымление, пришлось отстреливаться вслепую.

— Постреляешь еще немного? — Риц ухмыляется. — Снайпер нас не пропустит. Придется возвращаться через этот переулочек и идти в обход. Прикроешь меня. — Он переводит оптический прицел своей винтовки в режим тепловидения. — На счет «три».

Но, как только Риц размыкает губы, чтобы сказать «три», все останавливается. Мир вокруг меня застывает в одном мгновении, замирает и сам Риц, — и это может означать только одно: миссия провалена.

Разочарованно застонав, я закрываю глаза. Аккуратно вытаскиваю из ушей уменьшившиеся наушники, жду несколько минут, пока противное головокружение утихнет, и лишь затем снимаю визор. Не самый мягкий выход из рендера. Открывать глаза я не тороплюсь. Тяжело возвращаться в реальный мир — ведь только что благодаря рендеру я вновь стояла на ногах, вновь могла бежать...

Но это были *даже не мои ноги*.

Резко выдохнув, я наконец решаюсь открыть глаза — и в очередной раз отмечаю, насколько блеклым после рендера кажется все вокруг. И дело даже не в цвете — здесь, в «комнате видеонаблюдения», как ее называет Виктор, цвета нет вовсе: светло-серые стены, ровные ряды выключенных экранов над полупрозрачным столом интерфейса, матово-черные высокие блоки серверов, составленные в широкий круг, в центре которого сейчас я нахожусь... Реальный мир, встречающий на выходе из рендера, кажется мне ненастоящим, словно иллюзия, при создании которой что-то потеряли, упустили из виду, не довели работу

до конца, — и теперь все выглядит плоско и двухмерно.

Но здравствуй, реальность. Я все еще сижу в кресле-каталке, потому что мои ноги сломаны. Пока что я не способна даже встать — а Кондор сказал, что я вернусь в отряд только тогда, когда смогу выдерживать прежние нагрузки, смогу бегать так же быстро и бить так же сильно, как и раньше. Вдобавок своими неосторожными словами я разозлила его, разозлила *Стратега*, и это стоило мне свободы. Покину уровень, на котором расположен медблок доктора Константина, — и меня сразу же исключат из Корпуса.

Я застряла здесь, но в этом не только моя вина.

Кто-то пытался меня убить.

И этот «кто-то» почти преуспел: после падения с высоты в четырнадцать метров можно и не выжить. Отряд все еще считает, что я пострадала в результате несчастного случая на тренировке, и лишь одна Солара, наш командир, знает о том, что произошедшее вовсе не было случайностью. Доктор Константин говорит, что мне повезло, легко отделалась, что все могло быть намного хуже...

«Все могло быть намного хуже». Я вымученно улыбаюсь и киваю, когда Константин в очередной раз повторяет эту фразу, думая про себя, что это ни успокаивает, ни облегчает мое состояние. Когда тебе плохо, подобные слова способны вызвать лишь раздражение.

Наушники из комплекта для рендера, лежащие на раскрытой ладони, кажутся всего лишь двумя круглыми кусочками белого пластика, а ведь именно они делают иллюзии рендера такими реалистичными, воздействуя на мозг, дополняя и подменяя сигналы ото всех органов чувств. Но на этом их возможности не

заканчиваются — с помощью наушников можно еще и записывать свои ощущения, чтобы кто-то другой потом смог пережить их, как собственные. В памяти сразу всплывает тот день, когда я узнала об этом: Кондор заставил меня сражаться с тремя близнецами. Стоило сойти с мата — и я раз за разом чувствовала чужую боль. Меня передергивает: невольно вспоминается ощущение сломанных ребер.

Пытаясь помочь мне вернуться в отряд, мои друзья нашли интересный способ применения рендера. Берг, маленький умник, создал для этого специальную программу: во время тренировок в рендере кто-то из нашего отряда записывает все, что чувствует, после чего программа синхронизирует данные, полученные с наушников, с видеорядом, вытянутым из памяти визора, — и персональный сценарий для рендера готов.

Так я могу влезть в чужую шкуру. Ходить чужими ногами, смотреть чужими глазами... Только что я была Клодом. Клод гораздо выше меня, поэтому ощущения были очень странными: впервые я могла посмотреть свысока даже на тех курсантов, на которых привыкла смотреть снизу вверх. Но я не просто видела то же, что и Клод, — я дышала вместе с ним, чувствовала, как бьется его сердце, чувствовала, как во время бега болит колено, ушибленное при неудачном приземлении...

На этой тренировке отряд не справился с заданием. Уцелели только Риц и Клод — и, хоть у них и был шанс добраться до контрольной точки, сценарий рендера был прерван. Из семерых членов отряда только двое были способны продолжать бой. Критические потери в личном составе — провал миссии.

Я убираю визор и наушники в чехол, кладу его на колени и осторожно провожу кресло-каталку между двумя серверами, стараясь не зацепить их, выезжая из круга. Подкатившись к столу перед экранами, я отключаю от компьютера «наблюдателя» планшет Берта. В нем хранятся сценарии для рендера, но без мощного компьютера они бесполезны.

Однако я приезжаю сюда каждый день не только ради компьютера.

Снова оглядев комнату напоследок, я в который раз обращаюсь к своей невидимой собеседнице: «Ты здесь? Ты меня слышишь?» — но не получаю никакого ответа.

Две недели. Малодушная молчит уже две недели. Но прежде нам все-таки удалось поговорить.

* * *

В нем есть что-то настораживающее — к такому выводу я прихожу, наблюдая за доктором Константином, за тем, как он работает. Он весь какой-то... ненастоящий? Это точно не самое подходящее определение, он скорее слишком *неестественен*, больше напоминает идеальный в своей сложности механизм, чем человека. Особенно это сходство проявляется в том, как он двигается, как держит себя: *неестественно* выпрямленная спина, *неестественно* четкие, выверенные движения, ни единого лишнего жеста. Напряжение никогда не покидает его, он постоянно собран, как... как...

«Как зверь перед броском», — всплывает у меня в голове странное сравнение. Откуда оно взялось? Я даже не до конца понимаю, что оно значит, но откуда-то знаю, что оно хорошо подходит для описания Константина.

В тот день, когда малодушная впервые связалась со мной, разговор у нас не задался: меня сразил приступ боли из-за того, что я перенесла часть веса на сломанные ноги, чуть было не наступив на них, поэтому пришлось срочно покинуть «комнату видеонаблюдения» и вернуться в медблок. Константин дал обезболивающее, только взяв с меня обещание провести всю следующую неделю не покидая пределов медблока.

О, тот случай по-настоящему вывел его из себя. «Я слишком много времени потратил на твои ноги и не позволю испортить мою работу», — с трудом сдерживаемая ярость почти превратила его голос в шипение. Кажется, я умудрилась задеть Константина за живое. Тогда мне даже показалось, что он отреагировал так бурно из-за того, что слишком ревностно относится к результатам своего труда, но понимание настоящей причины пришло лишь спустя несколько дней наблюдения.

Доктор помешан на порядке: в его медблоке у каждой, даже самой маленькой вещицы есть свое постоянное место. Константин исправил мои ноги, починил меня, *навел порядок*, а я чуть было не нарушила его вновь.

Но, даже несмотря на такой интересный объект для изучения, неделя тянется невероятно долго. Кондор почти не преувеличивал: это место действительно чем-то похоже на тюрьму.

В медблоке есть «часы посещения», и посетитель может быть только один — день, когда меня сюда поместили, был исключением. Константин сказал, что на этом уровне предусмотрена очень сложная система безопасности, и попросил меня составить список возможных посетителей. Вписывая имена членов своего

отряда, я вдруг вспомнила день, когда оказалась здесь впервые, очнувшись в этом медблоке после смерти Гаспара, и вслух заметила, что тогда мне удалось уйти отсюда, и никакая система безопасности не пыталась меня задержать. Константин с легкой улыбкой ответил, что покинуть этот уровень очень просто, но вот без браслета, данные которого внесены в систему безопасности, попасть сюда невозможно.

Нет ничего хуже тюрьмы с дверями, открытыми нараспашку.

Я могу покинуть медблок в любое время и отправиться куда угодно — но тогда у меня не останется ни единого шанса на возвращение в отряд. Вспомнив расписание своего отряда, я с грустью осознаю, что каждый день они ко мне приходиться не смогут: «часы посещения» порой совпадают по времени с тренировками у Кондора. Вдобавок «часы посещения» автоматически отменяются, если доктора Константина нет на уровне, а днем он отлучается довольно часто.

У Константина есть комнаты на уровне Нулевого поколения, что находится прямо над нами, но туда он поднимается только на ночь. Порой бывает так, что я засыпаю, когда доктор еще работает; просыпаюсь — а он уже сидит за своим столом, правда, в другом костюме.

Помимо доктора, здесь еще есть свита — так я называю про себя трех его ассистенток, тихих, невыразительных и незаметных. Они поддерживают порядок в медблоке — действительно, не главному же доктору Корпуса перестилать постели, мыть полы и вытирать пыль. Они приносят горячую еду из столовой Нулевого поколения для меня и Константина. Если же доктор собирается покинуть уровень, одна из них

остается на дежурстве, а остальные бросают все свои дела, чтобы пойти вместе с ним.

Все, что может предложить медблок пациенту, — это кровать, небольшая тумбочка для личных вещей и тесный санузел. Мне же предстоит провести здесь два месяца. Константин даже предложил перебраться в жилую комнату свиты, как только немного поправлюсь, но я сразу же отказалась. Черт с ними, с условиями. Константин разговаривает со мной хотя бы изредка, тогда как свита в своей молчаливости способна сравниться с силентами, которые *вообще не говорят*.

Я пытаюсь отвлечься от осознания собственной беспомощности, изучая лицо одной из них, пока та помогает мне перебраться в кресло-каталку, — но так и не могу уловить ни единой эмоции. Вот кому стоило бы пойти в диверсанты.

Говорю «спасибо», но в ответ получаю всего лишь кивок.

Меня так и подмывало поинтересоваться у Константина, почему его ассистентки такие странные, но сегодня ответ нашел меня сам. Доктор сообщил, что мне придется провести почти весь день в одиночестве, потому что он и его помощницы отправляются на уровень Справедливости, чтобы провести плановый осмотр профайлеров. Вот по какому принципу доктор собирал свою свиту: ему были нужны люди, способные провести целый день в окружении профайлеров, улавливающих каждую мысль, каждую эмоцию всех, кто находится рядом. Теперь понятно, почему свита чем-то напоминала мне силентов, чьи эмоции настолько тихие, что профайлеры на них даже не реагируют.

Константин покидает медблок, и я тяжело вздыхаю: сегодня у Кондора занимается другой отряд, и ко мне мог прийти кто-то из друзей...

Впрочем, есть у меня и другие дела.

Неделя постельного режима, обещанная Константину, истекла. Я могу вернуться в комнату связи.

Я подумала, что у меня будет больше шансов застать малодушную, если приду примерно в то же время, что и в прошлый раз, и сомнениям удастся догнать меня только тогда, когда я уже оказываюсь у двери.

А почему ты, Арника, решила, что там, в другой комнате связи, снова окажется именно та девушка? Что, если малодушные, например, дежурят в комнате связи по очереди и сегодня там будет кто-нибудь другой?

Но я ведь ничего не узнаю, если так и останусь по эту сторону двери, верно? Набравшись решимости, я осторожно заезжаю внутрь, и в помещении тут же загорается тусклый свет. Оглядываюсь по сторонам, не зная, что делать дальше.

— Эй? — Я чувствую себя довольно глупо, обращаясь к пустоте. — Ты здесь?

Никакого ответа.

Я замечаю синюю панель с двумя переключателями, про которую говорила малодушная. Подъехав к ней, я уже наклоняюсь, собираясь включить подачу энергии на компьютер, но тут у меня возникает неожиданная догадка. Убрав руку от панели, я подкатываюсь к столу под экранами и вновь прикасаюсь к нему, активируя интерфейс управления. На гладкой поверхности высвечивается уже знакомая мне надпись: «Работа в аварийном режиме. Подключите